

Культурная революция среди закавказских курдов: межреспубликанское соперничество в советской национальной политике

А. О. Победоносцева-Кая

Статья посвящена анализу советской национальной политики в 1920–1930-х гг. на примере курдов Закавказья, ситуация с которыми отличалась особой сложностью. У курдского меньшинства практически отсутствовали образованные кадры, вдобавок оно стало объектом споров между союзным центром, Азербайджаном и Арменией. Развитие противоречий политики в отношении курдов проанализировано на примере форсированной подготовки курдских кадров в 1920-е и 1930-е гг., для осуществления которой из-за отсутствия экспертной базы и межреспубликанских конфликтов потребовалось вмешательство союзных научных центров, прежде всего ленинградских. В рамках данной статьи сделана попытка отойти от методологического подхода ключевых работ по советской национальной политике последнего времени (Т. Мартин, Ф. Хирш и пр.), для которого характерно внимание к решениям союзных органов, и сосредоточиться на активной роли разнообразных акторов, непосредственно вовлеченных в реализацию национальной политики. Работа основана на ранее не использованных архивных данных, а также публикациях тех лет на русском и курдском языках.

Ключевые слова: курды, езиды, культурная революция, коренизация, национальная политика, Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР), Красный Курдистан.

Для цитирования: Победоносцева-Кая А. О. Культурная революция среди закавказских курдов: межреспубликанское соперничество в советской национальной политике // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 47–71. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_47. EDN: OYCDTL

Введение

Нехватка квалифицированных кадров в сфере образования, которая стала остро ощущаться в период культурной революции 1920-х гг. в СССР, имела первостепенную важность для руководителей Советского государства, видевших в просвещении инструмент построения нового общества. Понятие "культурная революция" включало в себя ряд мер, направленных на преобразование поведения и мышления в соответствии с нормами идеологии нового, советского общества. Основными направлениями культурной революции стали ликвидация безграмотности населения, создание новой интеллигенции из крестьян и рабочих, а также подготовка кадров из числа представителей соответствующих этнических групп, населяющих СССР. Марксистская идеология нового государства требовала учета национальных различий в территориальной и институциональной организации, хотя во многих регионах бывшей Российской империи национальные идентичности только начинали развиваться.

К 1923 г. были сформированы основные аспекты советской национальной политики, созданы национальные территориальные образования для большинства крупных советских национальностей [1, р. 10], а в рамках модернизации – предприняты усилия по преодолению «культурной отсталости» многих этнических групп, особенно «восточных» [1, р. 126]. Но сама концепция национальности в Советском Союзе окончательно сложилась лишь ко второй половине 1930-х гг. Она подразумевала этническую группу, имевшую собственную национальную территорию от республики до сельсовета, собственную письменность, обеспечивающую издательскую деятельность на данном языке [2, с. 246]. Советское государство начало следить за обеспечением наличия этих атрибутов у многочисленных этнических групп страны.

Вопросы подготовки национальных кадров рассматривались в существующей литературе по вопросам организации этнического многообразия в молодом советском государстве: от территориального устройства до создания политических элит [1–4]. Хотя эти работы прекрасно освещают целый ряд аспектов советской национальной политики, но они слишком часто концентрируются на решениях центральных советских органов, в то время

как фактически национальную политику в значительной, если не решающей степени формировали решения и действия органов власти и государственных организаций, непосредственно вовлеченных в ее реализацию на местах. Шаг в этом направлении был сделан в самое последнее время, когда появились исследования, указывавшие, что в действительности вмешательство центра зачастую имело место на поверхностном уровне, а на местах реализация директив зависела от позиции местных элит из титульных национальностей [5]. В Советском Закавказье это было связано с соперничеством между Арменией и Азербайджаном, расхордившихся в своем понимании процесса советизации и решения культурного и национального вопросов в Закавказье [6–10].

Другому аспекту данной темы – становлению советского востоковедения во взаимодействии с внутренней и внешней политикой СССР были также посвящены комплексные монографии [11–16], которые, однако, не касаются рассмотренной нами конкретной темы.

В этой статье предпринята попытка дополнить исследования Т. Мартина, Ф. Хирш, Дж. Кадио, В. Тольц и др. авторов через рассмотрение одного из ключевых компонентов советской национальной политики – обеспечения конкретной этнической группы кадрами при помощи организации системы их усиленной подготовки в центральных и республиканских учебных заведениях. Методология данного исследования основана на анализе административных мер, направленных на реализацию общих директив союзного руководства, а также решений и действий органов и структур, непосредственно вовлеченных в осуществление этого направления национальной политики. Для того чтобы рассмотреть эти процессы и сопутствующие им события, были привлечены различные архивные источники, периодические издания, комплексные монографии и справочники.

В первую очередь следует упомянуть неопубликованные и в большинстве случаев никем ранее не использованные архивные материалы Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН), центральных архивов Санкт-Петербурга (ЦГА СПб, ЦГАЛИ СПб) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), документы которых относятся к 1920–1930 гг. и представляют собой переписку, приказы и прения в различных учреждениях о подготовке курдских национальных ка-

дров. Другая группа материалов представлена публикациями в периодических изданиях 1920–1930 гг. Третья группа состоит из справочников и сборников документов по советской национальной политике [17–18] и ее отдельных аспектов [19–20]. Кроме того, использовались монографии курдов-выпускников учебных заведений того времени, содержащие в себе ценные сведения о тогдашних реалиях [21–22].

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что курдский вопрос всегда был острым вопросом как во внутренней национальной политике, так и во внешней политике России и СССР. Каждая страна, в составе которой оказывались курды, имела свои взгляды на решение курдского вопроса. В этой связи наиболее ярко проявилось соперничество двух соседних республик – Азербайджана и Армении, которые не только обладали значительным курдским населением, но и граничили с Турцией и Ираном, где также проживали курды. В связи с этим на упомянутые республики возлагалась в некотором роде миссия по поддержанию контактов с представителями данной национальности за рубежом, что также отразилось на их отношении к курдским проектам.

Курды между Арменией и Азербайджаном

Проведение национальной политики в отношении курдского населения бывшей Российской империи после 1917 г. затруднялось его разобщенностью, социально-культурной разнородностью и проживанием в слаборазвитых районах страны. Согласно статистическим данным, численность курдов в СССР составляла 69 184 чел. на момент переписи 1926 г. [23] и 45 877 чел. при переписи 1939 г.¹, большая часть которых проживала в ЗСФСР (см. табл.).

Курды Закавказья разделялись на мусульман и езидов, которые отличались не только в религиозном, но и хозяйственном и экономическом отношении. М. Лезенберг говорит о наметившемся уже в 1930-е гг. в Советской Армении стремлении властей провести разделительную черту между курдами-мусульманами (суннитами) и езидами [6, р. 94], которому со-

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по республикам СССР. Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php (дата обращения: 28.04.2023).

юзный центр особо не препятствовал. На самом деле о такой тенденции следует говорить по меньшей мере с момента установления Советской власти в Армении.

Таблица

Численность курдов в Закавказье в 1926 и 1939 гг.

Год переписи	Место проживания	Всего
Перепись 1926 г. (ЗСФСР): 66 692 курдов и езидов	Азербайджанская ССР	41 193 курдов
	Нахичеванский край	7 355 курдов
	ССР Армении	15 262 (12 237 езидов, 3 025 курдов)
	ССР Грузии	10 217 (2 262 езидов, 7 955 курдов)
	Аджарская АССР	3 295 курдов
Перепись 1939 г. (ЗСФСР): 39 401 курдов	Армянская ССР	20 481 курдов
	Грузинская ССР	12 915 курдов
	Азербайджанская ССР	6 005 курдов

В отличие от гораздо менее конфликтных грузино-курдских или грузино-азербайджанских отношений, история курдско-армянских взаимоотношений была весьма противоречивой и зачастую включала в себя значительный элемент антагонизма, связанный с насилием. Армянская интеллигенция искала пути решения этих проблем, в т. ч. и через взаимодействие с курдами в культурной сфере. Например, Евангелие было переведено армянами на курдский язык на основе армянской графики и трижды издано в XIX в. [24, p. 179].

Однако эти усилия имели ограниченный успех, а масштабы насилия в курдско-армянских отношениях продолжали нарастать с конца XIX в., достигнув пика во время Первой мировой войны и существования первой Армянской республики в 1918–1920 гг. В ходе тех драматических событий возник также своеобразный альянс армянских националистов и части немусульманского, этнически курдского населения – езидов. Последние столкнулись с гонениями со стороны мусульманских акторов одновременно с армянами, что способ-

ствовало сотрудничеству армянских националистов и езидов в т. ч. в военной сфере.

Советизация Армении в 1920 г. не положила конец интересу армянских элит к курдским вопросам, но способствовала его трансформации и переходу в другие области. Прежде всего это касалось народного просвещения как части советской культурной революции. По некоторым подсчетам уже в 1920–1921 гг. в Армении было открыто 8 курдских школ¹, где учились около 300 детей [8, с. 296], но здесь, вероятно, включены школы и на территориях, которые не вошли в состав Советской Армении. Очевидец писал о существовании в 1921 г. в Армении пяти курдских школ, где обучалось 267 детей [22, с. 115].

Приказом Наркомата просвещения от 23 апреля 1921 г. вводилось обязательное обучение во всех школах первой и второй ступени на родном языке, и в том же году был подготовлен проект алфавита на армянской графике для курдского населения Армении и Грузии и составлен учебник для обучения курдских детей грамоте на основе армянской графики “Шамс”. Автором выступил армянский этнограф, краевед и знаток курдского языка Акоп Казарян (Лазо) [22, с. 114]. Соответствующие меры действительно реализовывались, но до создания даже системы начального образования было далеко. Бакаев писал, что в детском доме для детей курдов-езидов, где он оказался в начале 1920-х гг., первой книгой, по которой дети учились писать, был вышеупомянутый учебник курдского языка “Шамс”, но с 1923 г. курдских детей отправили в армянскую школу, несмотря на слабое знание ими армянского языка [21, с. 257].

Не хватало не только учебных материалов, но и педагогических кадров. В октябре 1921 г. из восьми выпускников 2,5-месячных курдских учительских курсов в Армении только один был курдом, остальные были армянами, знавшими курдский [22, с. 114]. Даже в 1927 г. из 13 учителей курдских школ лишь один был курдом – будущий этнограф и писатель Аминне Авдал [22, с. 118]. Следует учитывать и негативные социальные факторы – традиционно сложное отношение езидов к письменной культуре, антисоветские настроения и пр. Тем не менее процесс шел

¹ Официальная статистика показывает следующее развитие сети школ в Армении: 1921/22–5 курдских школ, в 1924/25–12, в 1927/28–11, в 1930/31–23, в 1931/32–34, в 1932/33–38, в которых количество курдских учащихся в 1921/22 было 151 чел., в 1924/25–305, в 1927/28–395, в 1930/31–1 289, в 1931/32–2 050, 1932/33–2 344 [66, с. 202].

и, несмотря на сопротивление духовных лидеров и крупных курдских землевладельцев, к 1930 г. в Армении было открыто уже 18 школ, в которых обучалось 560 курдских детей [25, с. 88].

В конце 1920 г. в Армении была установлена советская власть, а в 1922 г. она вместе с Грузией и Азербайджаном вошла в состав Закавказской Федерации (ЗСФСР). Вскоре усилия армянской интеллигенции в направлении целенаправленного приближения курдов к армянской культуре начали сталкиваться с общесоюзными политическими установками. Поскольку в рамках СССР отдельные республики *de facto* получали в свое ведение национальные проекты малочисленных этнических групп, для которых создавались административно-территориальные единицы более низкого уровня, вопрос создания курдской автономии включал в себя другой важный вопрос о том, в составе какой республики она должна быть создана.

Проживание в Азербайджане более 40 тыс. курдов стало основанием для учреждения указом президиума Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Азербайджанской ССР от 16 июля 1923 г. такой административной единицы, как Курдистанский уезд [20; с. 154–155]. Этот уезд, известный также как Красный Курдистан, с центром в городе Лачине, был создан на границе советского Азербайджана и Армении. Тем самым Баку начал выходить на первые роли в советской политике в отношении курдов.

Ереван параллельно выстраивал свои курдские проекты, добиваясь оседания на территории республики курдских езидских кочевников и беженцев времен войны. Армянские элиты не сдавались и в вопросах культурного строительства, например, когда центральные советские власти сделали ставку на латинизацию алфавитов народов СССР, к 1928 г. в Армении был представлен новый проект курдского алфавита уже на основе латиницы, разработанный ассирийцем Исааком Марогуловым и курдом Арабом Шамиловым. Такая расторопность обеспечила переход на этот алфавит всех курдов СССР, которые использовали его до 1945 г. [22, с. 5].

Четко обозначившееся намерение Москвы фактически передать курдский вопрос в ведение Азербайджана вызвало реакцию в Армении. С этим столкнулся в ходе своей поездки в Закавказье в 1930 г. Олег Вильчевский, сотрудник Института языка

и мышления АН СССР (ИЯМ), отвечавший за экспертное обеспечение советской национальной политики [26, с. 96–97]. Он был командирован в Закавказье для решения ряда вопросов по культурному строительству у курдов и прежде всего вопроса о подготовке курдских кадров. В Азербайджане Вильчевский провел успешные переговоры с республиканским руководством, была достигнута договоренность о получении Азербайджаном мест для курдов (а также талышей и татов) на Восточном отделении рабфака ЛВИ, получено согласие правительства Азербайджана на национализацию курдских школ в Азербайджане и срочный созыв закавказского Съезда курдских работников для координации культурного строительства у курдов [27, л. 46].

В Армении же Вильчевский столкнулся с крайне недоброжелательным приемом в ЦИК Армении, который практически сорвал его работу [27; л. 47–48]. Визит чиновника из центра явно раздражал представителей армянских советских органов. В итоге в Армении Вильчевскому все же удалось *«окончательно оформить и включить в советское русло это, до сих пор шедшее самотеком, дело»* [27, л. 48]. Однако сделано это было ценой компромисса: Вильчевский разработал совместно с наркомом просвещения Армении Артаваздом Егиазаряном и инструктором ЦК Шамиловым масштабный пятилетний план подготовки курдских кадров не только в Армении, но и во всем Закавказье [27, л. 47]. Иными словами, армянские советские власти добивались определяющей роли в решении ключевого вопроса советской курдской политики.

Посещая затем третью закавказскую республику, Грузию, где находилась столица всей Закавказской Федерации, Вильчевский уже решал соответствующие вопросы с сотрудниками Совета национальных меньшинств, отталкиваясь от выработанного в Армении плана подготовки кадров. Местные чиновники принимали в обсуждении *«деятельное участие»* [27, л. 47], проблем не возникало, так как для Грузии курдский вопрос не имел той остроты, которая была характерна для Армении и Азербайджана.

Подготовка кадров в Закавказье

Потребность в учителях стремительно увеличивалась с расширением сети начальных школ. Поскольку эти школы становились школами родного языка, требовались педагоги-

носители местного языка. Их готовили главным образом в техникумах соответствующих республик.

В 1931 г. был открыт первый Курдский педагогический техникум в Ереване (см. рис.), в котором получали образование курды Армении и включенного в состав Азербайджана региона Нахичевани [28, с. 121; 21, с. 269]. Создание техникума включало в себя привлечение средств извне: власти Закавказской Федерации и Армении инвестировали по 60 тыс. руб. В год открытия в техникуме обучалось 63 студента, из которых четыре девушки [29, р. 2].

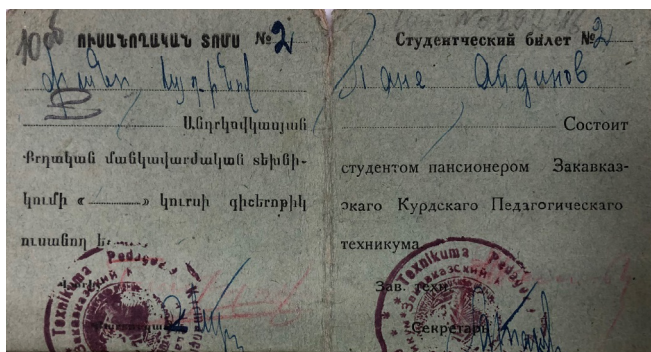

Рис. Студенческий билет Закавказского курдского педагогического техникума [67, л. 10 об.]

В то же время советские эксперты сетовали, что в подготовке кадров отсутствует всякая координация даже внутри ЗСФСР: «Недостает кадров для нацмен: курдов, греков, осетин. Необходимо по общему плану организовать подготовку для отдельных малых национальностей так, чтобы республики взаимно помогали друг другу» [30, с. 16].

Открытие вышеупомянутого техникума было, вероятно, связано и с далеко идущими соображениями властей советской Армении – они продолжали выстраивать свои отношения с курдским населением, прежде всего езидского вероисповедания. Действуя в рамках общесоюзной системы государственного управления, Ереван боролся за первенство

в реализации культурных и прочих проектов, ориентированных на курдов. В случае успеха это позволяло надеяться на усиление позиций Армении в регионе и на укрупнение территории Армении за счет курдских районов Азербайджана с созданием коридора между основной территорией Армянской республики и Карабахской автономией.

Этому способствовала административная нестабильность того времени, например, Курдистанский уезд (позднее округ) в составе Азербайджана просуществовал до 1930 г. Эта административная единица, в которой на момент переписи в 1926 г. проживало 51 075 чел., в т. ч. 37 470 курдов [31, с. 13], т. е. 90 % всего курдского населения Азербайджана, имела важнейшее стратегическое значение для межреспубликанских отношений внутри Союза СССР. Включение этой территории в состав той или иной республики позволяло влиять на решение вопроса об административно-территориальной принадлежности Карабаха, выход к которому интересовал Армению, претендующую на ведущую роль в решении вопросов, связанных с курдским населением, внутри советской системы.

Несмотря на упразднение Курдистанского округа, наличие относительно многочисленного курдского населения в районе Карабаха по-прежнему требовало подготовки национальных педагогических кадров. Поэтому в 1931 г. при Шушинском педагогическом техникуме [21, с. 269] были организованы сначала подготовительные курсы, а затем курдское отделение [9, с. 82]. В 1933 г. там обучалось 517 студентов, более половины которых были армянами – 317 чел., а остальные тюрками и курдами [28, с. 121].

В 1933 г. был открыт Курдский педагогический техникум в Лачине [32], директором которого стал Мусеиб Ахундов, один из старейших курдов-партийцев Азербайджана [10, с. 206]. Таким образом, в 1934–1935 уч. г. функционировало уже два курдских педагогических техникума, в которых обучались 203 студента [33, л. 18].

Меньше возможностей существовало для подготовки кадров непедагогических специальностей. В Закавказье курды получали ориентированное на них (в том числе в языковом отношении) образование, например, в трудовых школах [34, л. 3], на краткосрочных трехмесячных подготовительных курсах при Нарком-

просе Грузии [35, л. 19 об.] и восьмимесячных педагогических курсах при НКП Армении [36, л. 17], в военной школе в Баку [37, л. 19], в национальных сельских школах Армении [38, л. 4].

Армянская сторона всячески демонстрировала свое внимание к образованию меньшинств, и, например, в официальных публикациях, касавшихся Закавказья, подчеркивалось, что удельный вес «курдов и езидов» в высших и средних специальных учебных учреждениях Армении возрос с 0 в 1928 г. до 1,3 % в 1935 г. Для сравнения в Азербайджане эта цифра возросла с 0,01 % в 1928 г. до 0,1 % в 1935 г. Речь, впрочем, идет о небольшом количестве студентов – во всем Закавказье в вузах, техникумах, рабфаках ЗСФСР количество курдов увеличилось с 3 в 1928 г. до 183 в 1935 г. (для сравнения, абхазцев с 129 до 501) [39, с. 65].

То, что инициатива армянских властей в развитии курдских проектов имела значение, видно и по тому факту, что в третьей республике ЗСФСР – Грузии – курдские проекты в области просвещения особого развития не получили. Помимо немногочисленных трудовых школ, в Грузии существовали лишь вышеупомянутые краткосрочные подготовительные курсы при НКПросе Грузии. Все это – несмотря на наличие в Грузии почти такого же числа курдов, как в Армении, и на статус Тбилиси как центра ЗСФСР и города с заметным курдским езидским населением.

Вмешательство союзного Центра

Создание системы начального и базового образования для ряда этнических групп, не относившихся к так называемым титульным национальностям, было лишь первым этапом культурной революции в сфере просвещения. Следующий этап требовал обеспечения возможности получения высшего и среднего специального образования в важнейших областях.

Изменение образовательных программ и методов преподавания и заполнение вузов рабочими и крестьянами становится в 1920-х гг. ключевой задачей для Народного комиссариата просвещения. Принятая в 1918 г. «Декларация о правилах приема в высшие учебные заведения»¹ подчеркивала связь школы с политикой и предоставляла право поступления в вузы лицам любого уровня образования или даже без образования. Но от-

¹ Декларация о единой трудовой школе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/history/619635> (дата обращения: 28.04.2023).

сутствие соответствующей подготовки не позволило «пролетариям хлынуть в высшую школу», и, чтобы сделать высшее образование доступным для всех, были организованы рабочие факультеты [18, с. 109] практически при всех вузах.

В подготовке кадров для курдов и ряда других этнических групп из южных и восточных республик СССР присутствовала своя специфика в силу практически полного отсутствия представителей этих национальностей, которые обладали бы достаточным уровнем образования хотя бы для начала реализации мероприятий советской национальной политики, в частности, массовой подготовки кадров. Это становилось все более острой проблемой на фоне общесоветской политики интенсивной модернизации окраинных территорий бывшей Российской империи и «коренизации», понимаемой как привлечение к управлению населением определенной территории кадров из числа представителей этого населения. Подготовить соответствующие кадры непосредственно в регионах было сложно, особенно в случае миноритарных этнических групп. Для этого отсутствовала научная база – очевидцы говорили о крайней слабости даже в конце 1920-х гг. научных учреждений в советской Армении [40, с. 24]. Вряд ли ситуация сильно отличалась и в соседних республиках – сказывалось длительное существование в роли имперской периферии.

Формально для подготовки коммунистических кадров для «народов Востока» в новой столице РСФСР и СССР – Москве – существовали специальные учебные заведения. Прежде всего это был Коммунистический университет трудящихся Востока имени И. В. Сталина (КУТВ), куда принимались не только коммунистическо-революционные кадры из стран зарубежного Востока, но и советские граждане [14, с. 202]. Но КУТВ фактически ориентировался на работу прежде всего с титульными нациями соответствующих зарубежных стран, а не с миноритарными этническими группами оттуда. Специальной курдской группы не было, небольшое число курдов могло обучаться в числе студентов из Персии или Турции [15, с. 121]. Что касается советских курдов, то в КУТВе их учились единицы: известно, например, что согласно разверстке на 1927/28 г. из Нахичеванской АССР предлагалось отправить на обучение в КУТВ одного курда (и двух тюрков) [41, с. 106]. Вопрос о создании курдской

подготовительной группы при КУТВе вновь встал на повестке дня в 1930 г. [27, л. 47; 19, с. 106], при этом рассматривалась возможность привлечения ресурсов Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева. Привлечение последней обосновывалось необходимостью работы среди кочевых и полукочевых курдов Армении [19, с. 107].

Но курдская группа в КУТВе так и не появилась. Возможно, дело было в стремлении дистанцировать КУТВ от курдского вопроса, поскольку отдельное обучение советских курдов было чревато влиянием на зарубежных слушателей-курдов и некурдов из стран со значительным курдским населением (Иран, Ирак, Турция), а советское правительство не хотело создавать впечатления, что оно склонно поддерживать курдский сепаратизм. Возможно, что проблема была и в отсутствии в Москве на тот момент соответствующих академических кадров, инфраструктуры и научных материалов.

Ленинград как центр подготовки курдских кадров

Более пригодной площадкой для необходимой советской системе подготовки кадров из числа курдов и некоторых других миноритарных этнических групп оказалась бывшая столица империи – Ленинград, где еще до 1917 г. существовал известный научный центр востоковедения, в т. ч. курдоведения, развитие которого было связано с потребностями огромного государства. Сразу же после завершения Гражданской войны советские власти приступили к созданию совершенно новой системы востоковедного образования и исследований.

Декретом СНК РСФСР от 7 сентября 1920 г. был открыт Центральный институт живых восточных языков (ЦИЖВЯ), перед которым были поставлены задачи готовить специалистов-практиков и академических ученых-востоковедов [12, с. 38]. Институт пытались административно закрепить в Москве, но по объективным причинам¹ его изначально пришлось открывать и временно размещать в Петрограде², а лишь часть его структур работала в Москве. С 1922 г. петроградская часть

¹ Этими причинами стали административные конфликты о месторасположении главного востоковедного учреждения страны после слияния бывшего Лазаревского института и Факультета восточных языков Петроградского университета, а также отказ петроградских ученых переезжать в Москву [11, с. 54].

² 7 сентября. Постановление СНК о Центральном институте живых восточных языков // Декреты Советской власти. Т. X. Август-сентябрь 1920 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. М.: Политгиздат, 1980. С. 80.

ЦИЖВЯ стала самостоятельным вузом – Петроградским (Ленинградским) институтом живых восточных языков (ЛИЖВЯ), а с 1927 г. до расформирования в 1938 г. – Ленинградским восточным институтом им. А. С. Енукидзе (ЛВИ).

Наличие специалистов соответствующего профиля, а в штате Института были и курдоведы [13, с. 229], позволяло не только изучать «свой» и зарубежный Восток, но и организовать образовательный процесс для представителей соответствующих национальностей. Это стало острой необходимостью к 1930-м гг. по мере того как становились очевидными проблемы с подготовкой кадров для ряда этнических групп, проживавших внутри СССР. Курды были тому примером, и в силу отсутствия соответствующих институтов, кадров и учебных материалов, и в силу вышеописанных коллизий политики в отношении курдов со стороны Еревана, Баку, Тбилиси и Москвы.

Вероятно, первым специализированным учреждением по подготовке в Ленинграде национальных кадров «отсталых» народов СССР стал рабфак при Ленинградском госуниверситете, на который в 1925 г. было принято 25 представителей народов Крайнего Севера. Уже в следующем году рабфак ЛГУ был переведен в состав ЛИЖВЯ в качестве его Северного отделения [16, с. 53], а еще через год переименован в Северный факультет ЛВИ [42, л. 85].

До 1930 г. Северный факультет обеспечивал обучение представителей коренных народов Севера на уровне среднего образования, после чего они должны были вернуться в родные места для педагогической, хозяйственно-кооперативной работы и советского строительства [16, с. 53]. Вскоре опыт такой ускоренной подготовки был перенесен и на другие миноритарные этнические группы, проживавшие в южных и восточных районах СССР: на Северный факультет стали принимать сначала абхазов [43, л. 9–16], а затем и курдов [44, л. 1–3].

При этом следует отметить роль инициативы, исходившей от армянской стороны. Напоминая, что в Санкт-Петербурге еще до революции было разработано курдоведческое направление [45, л. 34], и подчеркивая, что Ленинград является *«единственным местом, где достаточно полно представлены Иранистика вообще и Курдистановедение, в частности»*, курдская секция отдела нацменьшинств агитационно-

пропагандистского отдела ЦК КП Армении неоднократно требовала от ЛВИ организовать при Институте курдское отделение [44, л. 2]. Отделение при Севфаке ЛВИ открылось в 1928–29 учебном году, когда на нем начали учиться 13 курдов, командированных Наркоматом просвещения Армении [27, л. 51; 46, л. 27; 47; 48, л. 1; 22; с. 120–121]. О качестве отбора и подготовки говорит тот факт, что уже в первой группе оказался будущий известный курдский языковед Канат Курдоев.

Другие студенты после подготовки на рабфаке и обучения в ленинградских вузах в основном возвращались на родину и занимали заметные посты в Закавказье, например, направленный Наркоматом просвещения Армении в Ленинград в 1929 г. Бро Мамаев, окончив Горный институт, вернулся в Ереван и стал директором Курдского педагогического техникума [21, с. 269].

«Больше других здесь учится тунгусов»

К началу 1930-х гг. Севфак превратился в уникальное учебное учреждение для представителей национальных меньшинств, но и оно было далеко не идеальным с точки зрения эмансипации и преодоления неравенства – порой там звучала открыто цивилизаторская риторика вроде *«Институт дает им вместе с культурой и имена. В 1930 г. на Севфаке училось 320 человек: двести – с севера и сто двадцать – с востока. Больше других здесь учится тунгусов»* [49, с. 32].

Очевидные различия в подходах к обучению представителей северных и восточных народов СССР потребовали преобразования Северного отделения рабфака ЛВИ. В 1930–31 гг. на его базе были созданы отдельные Институт народов Севера и Курсы Нацменьшинств Советского Востока (КНСВ). Курсы, которые проработали с 1932 по 1936 гг., дали образование более чем 70 советским курдам. Согласно постановлению Президиума ЦИК Союза ССР от 17 сентября 1932 г. и постановлению Президиума Ученого Комитета от 25 сентября 1932 г. на Курсах Нацмен Советского Востока могли обучаться только студенты, которые принадлежали к национальностям, не имеющим своего государственного устройства [50, л. 22], т. е. республики или области [50, л. 93]. Но на практике это требование соблюдалось не всегда.

КНСВ безуспешно претендовали на статус вуза [51, л. 257]. В результате дальнейшего преобразования были организованы только две программы обучения: 10-месячные колхозные курсы и четырёхлетний курс на педагогическом отделении. Столь минималистичный подход и постепенное сворачивание курсов следует связывать с вышеупомянутым развертыванием сети техникумов в Закавказье, в которых курды могли получить образование.

Последним образовательным проектом в рамках срочной подготовки курдских кадров стало обучение курдов и некурдов в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), созданном в 1931 г. на базе выделившегося из состава Ленинградского университета Историко-лингвистического факультета. После реорганизации рабфака часть студентов отправили доучиваться на КНСВ, а наиболее отличившихся в учебе направили продолжать обучение в ЛИФЛИ [52, л. 11; 53, л. 6].

ЛИФЛИ фактически стал колыбелью курдского высшего образования, поскольку там были *«впервые организованы циклы по не так давно еще бесписьменным языкам»*, в т. ч. и курдскому [14, с. 246]. Однако фактически был произведен только один набор на курдский цикл с обучением в 1931–1936 гг. студентов, которые прошли предварительное обучение на рабфаке ЛВИ. Наряду с курдами на курдском цикле учились и некурды, ставшие в будущем известными курдоведами: Юлия Авалиани и Исаак Цукерман [54, л. 115]. Вероятно, благодаря соответствующему лоббированию – на это указывает участие в данной деятельности бывшего инструктора ЦК КП Армении А. Шамилова, этот образовательный проект без каких-либо объективных причин также оказался аффилированным с Арменией – студенты курдского цикла [55; л. 164–166] регулярно выезжали на летнюю практику исключительно в Армению.

Угасание курдских проектов внутри СССР

К концу 1930-х гг. программы коренизации и эмансипации народов СССР подверглись пересмотру с сокращением ряда из них и отказом от наиболее радикальных мер, в частности, от интенсивного всестороннего культурного развития народов, чья численность в пределах СССР была невысока, или от создания и сохранения административно-территориальных единиц, связанных с этими народами. Как уже отмечалось выше, к кон-

цу 1930-х завершились форсированные программы образования для курдов и представителей ряда других миноритарных этнических групп в Ленинграде.

Одновременно сворачивались курдские проекты в Закавказье. Начиная со второй половины 1930-х гг. они оказались связаны преимущественно с Арменией. Армянская советская интеллигенция, взаимодействовавшая с властью, никогда не отказывалась от попыток интегрировать курдов в армянскую нацию даже в ее советском варианте. Именно в этом контексте следует рассматривать попытки концептуального ревизионизма в отношении курдского вопроса с ее стороны, особенно заметные в моменты административных изменений в Закавказье. Несмотря на то, что коренизация высшей школы испытывала более серьезные трудности, чем коренизация средней, из-за отсутствия достаточного количества кадров высококвалифицированных научных работников, считалось, что в Грузии и Армении этот вопрос был решен [66, с. 184].

Официальная точка зрения советских центральных органов в отношении езидов к середине 1930-х гг. основывалась на экспертном мнении ИЯМ, который рассматривал их как сугубо религиозную группу в составе курдского народа, причем подчеркивалось, «в советской действительности это название потеряло свое значение» [56, с. 78–79, 86]. При этом признавалось, что вопрос езидов – «спорный» [57, с. 68], а потому их можно учитывать как обособленную часть курдов [58, с. 76].

Это позволяло армянской стороне вновь и вновь возобновлять попытки говорить о езидах как об отдельной «национальности» наряду с курдами [59, с. 171; 60, с. 46]. Трудно сказать, насколько эта политика Еревана опиралась на реальную идентичность или наоборот, она ее и формировала. Например, в списке учащихся КНСВ, прилагаемом к годовому отчету за 1933 г., упоминаются 24 курда и шесть езидов [61, л. 39 об.]. Анализ личных дел показывает, что учащиеся, обозначенные (возможно, на основе самоидентификации) как «езиды», прибыли преимущественно из Армении, в то время как «курдами-езидами» были названы в основном студенты из Грузии [62, л. 12; 63, л. 194].

Курс советского армянского руководства на поддержку отдельной езидской идентичности следует рассматривать в контексте роспуска ЗСФСР в 1936 г. с одновременным созданием

трех союзных республик в Закавказье, что означало возможность территориальных изменений и пересмотра субординации менее крупных территориальных единиц внутри союзных республик. В этом смысле для Еревана имело смысл настаивать на отделении езидов от курдов, поскольку последние оставались *de facto* переданными в ведение АзССР. Одновременно на фоне упразднения курдского района в Азербайджане обсуждался вопрос о выделении специального курдского национального района в Армении [64, с. 87], что позволило бы республике выступить в авангарде в определении общей советской политики в отношении курдов, оттеснив в этом Азербайджан. Ереван мог на это надеяться, поскольку чуть ранее ему удалось провести у себя в 1934 г. Первую всесоюзную курдоведческую конференцию. Примечательно, что вторая конференция, запланированная в Баку в 1935 г., так никогда и не состоялась [19, с. 118], что имеет смысл связывать с отношением властей Азербайджана к этому мероприятию.

Указывая на уменьшение официальной численности курдов в Азербайджане, согласно переписи, с 41 193 в 1926 г. до 6 005 в 1939 г., Поль отмечает, что это массовое уменьшение официальной численности произошло в первую очередь из-за изменения самоидентификации людей. По его мнению, это было связано с отношением азербайджанских властей, которые обращали советскую национальную политику в пользу азербайджанских тюрок, игнорируя этнические меньшинства, в т. ч. курдов [6, р. 36]. Впрочем, даже в более позднее время иностранные исследователи отмечали подчеркнутое внимание к курдскому меньшинству именно со стороны Армянской ССР [65, р. 5], которое слабо коррелировало с численностью курдов (в основном езидов), проживавших в республике.

Обсуждение и выводы

Проведенное исследование подготовки национальных кадров в раннесоветский период показывает важность дальнейшей децентрализации и деконструкции действующих сил при изучении истории СССР. Советская национальная политика не ограничивалась постановлениями центральных органов власти СССР, она была тесно связана с ситуацией на местах, которая определялась не диктатом союзного центра, а уров-

нем социально-экономического и культурного развития, действиями республиканских и местных органов власти и прочих акторов (активистов, интеллигенции и т. п.).

Власти Азербайджанской и Армянской советских республик имели свои взгляды на курдский вопрос и его решение, которые отличались от мнения союзных органов власти. При этом многие особенности советской национальной политики были связаны с многоуровневыми и многослойными структурами неравенства внутри страны, которые проявляли себя в процессе имплементации решений союзного центра, неизбежно носивших лишь общий характер. Помимо эмансипации более крупных этнических групп, создавших в советское время свои союзные республики, автономные республики, области или хотя бы районы, существовала проблема более малочисленных или дисперсно проживающих этносов, интересы которых расходились с интересами так называемых титульных наций, что вело к антагонизму. Особенно сильно эти расхождения и конфликты проявлялись в менее консолидированных нациях, проживавших на юге и востоке СССР.

Иными словами, политика коренизации вела к множеству столкновений, причем не только по линии «Центр – союзная республика», но и между властями, связанными с титульными нациями соответствующих административно-территориальных районов, и миноритарными этническими группами, а также между союзными республиками за право определять политику в рамках общесоюзной системы в отношении той или иной миноритарной этнической группы. Этому способствовало и отсутствие пригодных для использования при разработке и реализации соответствующей государственной политики экспертизы и экспертов по вопросам истории, культуры, экономики и общественной жизни этих меньшинств.

Эта экспертиза, пусть и в недостаточном объеме, имела в бывших научных центрах Российской империи, прежде всего в Ленинграде. В результате подготовка кадров для ряда миноритарных этнических групп была организована именно там. Это не было простым откатом к имперской традиции, поскольку академические центры были радикально реформированы в интересах ранее социально ущемленных слоев. Вдобавок интенсивное участие востоковедных вузов в подготовке кадров

«восточных народов» способствовало структурной перестройке советского востоковедения в фундаментальной отличии от западной ориенталистики.

Список литературы

1. Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell University Press, 2001. 528 p.
2. Кадио Дж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1890–1940. М.: НЛО, 2010. 336 с.
3. Tolz V. Russia's own Orient: the politics of identity and Oriental studies in the late imperial and early Soviet periods. Oxford University Press, 2011. 224 p.
4. Hirsch F. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Cornell University Press, 2005. 392 p.
5. Fedtke G. Roter Orient. Muslimkommunisten und Bolschewiki in Turkestan (1917–1924). Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 2020. 471 s.
6. Leezenberg M. Soviet Kurdology and Kurdish Orientalism // The Heritage of Soviet Oriental Studies. Eds. by M. Kemper & S. Conermann. – New York: Routledge, 2011. Pp. 86–102.
7. Pohl J. O. Kurds in the USSR, 1917–1956 // Kurdish Studies. – 2017. – Vol. 5. – № 2. – Pp. 32–55.
8. Агаян Ц. П. Вековая дружба народов Закавказья. Т. 2. Ереван: Айтастан, 1970. 402 с.
9. Букшпан А. С. Азербайджанские курды. Заметки. Баку, 1932. 92 с.
10. Аристова Т. Ф. Курды Закавказья (историко-этнографический очерк). М.: Наука, 1966. 216 с.
11. Базиянц А. П. Из истории советского востоковедения // Становление советского востоковедения. – М.: Наука, 1983. – С. 29–84.
12. Кононов А. Н., Иориш И. И. Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения. М.: Наука, 1977. 136 с.
13. Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Из истории советского востоковедения. 1917–1967. М.: Наука, ГРВЛ, 1970. 252 с.
14. Панин Е. В. Коммунистический университет трудящихся Востока // Известия МГТУ. – 2013. – Т. 7 – № 4–2. – С. 201–206.
15. Сибгатуллина А. Т. Турецкий контингент в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Часть I. Вестник Института востоковедения РАН. – 2020. – № 3. – С. 113–125. DOI:10.31696/2618-7302-2020-3-113-125.
16. Смирнова Т. М. Институт народов Севера в Ленинграде – учебное заведение нового типа // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 4. – № 2. – С. 51–65.
17. Университеты и научные учреждения / Наркомпрос РСФСР. М.; Л.: Объедин. науч.-техн. изд-во, 1935. 583 с.
18. XV лет диктатуры пролетариата. Экономико-статистический сборник по гор. Ленинграду и Ленинградской Области. Л.: Издание Облсполкома и Ленсовета, 1932. 213 с.
19. Курды СССР – России: трасса длиной в 100 лет. Документальная история / сост. Н. Ф. Бугай, М. И. Мамаев. Москва; Тула: Аквариус, 2014. 564 с.
20. К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. 1918–1925: Документы и материалы. Баку: Азернешр, 1989. 334 с.
21. Бакаев Ч. Х. Основы курдской орфографии, М.: Наука, 1983. 272 с.
22. Чагоев Х. М. Курды Советской Армении: исторический очерк, 1920–1940. Ереван: Изд-во Академии наук Армянской ССР, 1965. 152 с.
23. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1927–1929. – 10 т. – В надзаг.: Центр. статист. упр. СССР. Отд. Переписи. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. 1928. XXIX. 138 с.
24. Bailey N. The Lord's Prayer in Northern Kurdish: Lexical and orthographic journeys since 1787 // Родной язык. – 2021. – № 2. – С. 152–218.

25. Шамилов А. Курды Закавказья // Революция и культура. – 1930. – № 15–16. – С. 86–89.
26. Совещание по культурному развитию языков национальностей // Революция и национальности. – 1935. – № 5 (63). – С. 96–97.
27. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 222. Оп. 2. Д. 79.
28. Арустамян. Социалистическое строительство в Нагорном Карабахе // Революционный Восток. – 1933. – № 1 (17). – С. 116–122.
29. Rja Təza. – 1931. – № 18. – С. 2.
30. Орлова Р. Очередные задачи в борьбе за всеобщее образование // Коммунистическая революция. – 1931. – № 5–6. – С. 13–18.
31. Население Азербайджана по переписи 17 декабря 1926 года: предварительные итоги. Баку: Бакин. центр. стат. упр., 1927. 17 с.
32. Маммадова Ш. Курдский вопрос в политике советского государства в 1920–1930 гг. // Вопросы истории. – 2013. – № 6. – С. 135–141.
33. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1008.
34. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 160.
35. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 59.
36. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 177.
37. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 40.
38. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 16.
39. Тодрия С. Подготовка национальных кадров в ЗСФСР // Революция и национальности. – 1936. – № 1 (71). – С. 63–66.
40. Кольцов Н. Советская Армения // Наши достижения. – 1929. – № 6. – С. 23–31.
41. Разверстка в московские и ленинградские комвузы на 1927/28 учебный год. Коммунистический университет трудящихся Востока им. Сталина // Коммунистическая революция. – 1927. – № 12. – С. 106.
42. ЦГА СПб. Ф. 6951. Оп. 1. Д. 2.
43. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р3316. Оп. 20. Д. 119.
44. ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 20. Д. 118.
45. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-328. Оп. 2. Д. 1180.
46. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 585.
47. ЦГА СПб. Ф. 7222. Оп. 9. Д. 8.
48. ЦГА СПб. Ф. 7222. Оп. 30. Д. 2146.
49. Польский Л. Тайга и Лавра // Наши достижения. – 1930. – № 7. – С. 31–34.
50. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1005.
51. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 991.
52. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 803.
53. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 840.
54. ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 1. Д. 21.
55. ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 1. Д. 41.
56. Гранде Б. Материалы для уточнения списка народов СССР // Революция и национальности. – 1935. – № 4 (62). – С. 77–87.
57. Красовский Л. Чем надо руководствоваться при составлении списка народностей СССР (в порядке обсуждения) // Революция и национальности. – 1936. – № 4 (74). – С. 67–71.
58. Гранде Б. Список народностей СССР // Революция и национальности. – 1936. – № 4 (74). – С. 74–85.
59. Лалаян А. Социалистическое развитие Армении в системе СССР (К 15-летию Советской Армении) // Революционный Восток. – 1935. – № 3 (31). – С. 163–175.
60. Лалаян А. Проект Сталинской конституции и расцвет Советской Армении // Революционный Восток. – 1936. – № 4 (38). – С. 31–55.
61. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1006.
62. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 560.
63. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 998.
64. О состоянии работы среди нацменьшинств в Армянской ССР. Постановление Президиума Совета Национальностей ЦИК Союза ССР // Революция и национальности. – 1936. – № 12 (82). – С. 86–87.

65. Kinnane D. *The Kurds and Kurdistan*. Oxford University Press, 1964. 94 p.
66. Итоги разрешения национального вопроса в СССР / под ред. С. Диманштейна. Науч.-исслед. ин-т национальностей СССР при ЦИК Союза ССР. Москва: Власть Советов, 1936. 223 с.
67. ЦГА СПб. Ф. 4363 Оп. 1. Д. 32.

Cultural Revolution Among Transcaucasian Kurds: Inter-Republican Rivalry in Soviet Nationalities Policy

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya

The article investigates the Soviet nationalities policy in 1920 and 1930s focusing on the case of the Kurds of Transcaucasia, whose situation was particularly complicated. The Kurdish minority had practically no educated specialists, and Soviet central authorities, Azerbaijan and Armenia held different views on its development. The development of the Soviet Kurdish policy is investigated by exploring the experience of the accelerated training of Kurdish cadres in 1920s and 1930s, which, due to the lack of an expert base and inter-republican conflicts, was done through the intervention of the Soviet scholarly centers outside the region. By this study an attempt is made to move away from the methodological approach of the key works on Soviet nationalities policy (T. Martin, F. Hirsh, etc.) which focused on the decisions of the central Soviet actors, and to focus on the activities of lower-level actors, directly involved in the implementation of nationalities policy. The work is based on previously unused archival data, as well as publications of those years in Russ. and Kurdish.

Key words: Kurds, Yezidis, cultural revolution, korenizatsiya, national policy, Transcaucasian Soviet Federative Socialist Republic (TSFSR), Red Kurdistan.

For citation: Pobedonostseva-Kaya, A. O. (2023) Kul'turnaya revolyutsiya sredi zakavkazskikh kurdov: mezhrespublikanskoye sopernichestvo v sovetskoj natsional'noj politike [Cultural Revolution Among Transcaucasian Kurds: Inter-Republican Rivalry in Soviet Nationalities Policy]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 47–71. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_3_47. EDN: OYCDTL

References

1. Martin, T. (2001) *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Cornell University Press.
2. Cadiot, J. (2010) *Laboratoriya imperii: Rossiya / SSSR, 1890–1940* [Empire Laboratory: Russia / USSR, 1870–1940]. Moscow: NLO. (in Russ.)
3. Tolz, V. (2011) *Russia's own Orient: the politics of identity and Oriental studies in the late imperial and early Soviet periods*. Oxford University Press.
4. Hirsch, F. (2005) *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Cornell University Press.
5. Fedtke, G. (2020) *Roter Orient. Muslimkommunisten und Bolschewiki in Turkestan (1917–1924)*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau. (in Germ.)
6. Leezenberg, M. (2011) *Soviet Kurdology and Kurdish Orientalism. The Heritage of Soviet Oriental Studies*. Eds. by M. Kemper & S. Conermann. New York: Routledge. Pp. 86–102.

7. Pohl, J. O. (2017) Kurds in the USSR, 1917–1956. *Kurdish Studies*. Vol. 5. No. 2. Pp. 32–55.
8. Agayan, Ts. P. (1970) *Vekovaya družhba narodov Zakavkaz'ya* [Age-old friendship of the peoples of Transcaucasia]. Vol. 2. Erevan: Ayastan. (in Russ.)
9. Bukshpan, A. S. (1932) *Azerbaydzhanskiye kurdy. Zametki* [Azerbaijani Kurds. Notes]. Baku. (in Russ.)
10. Aristova, T. F. (1966) *Kurdy Zakavkaz'ya (istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [Kurds of Transcaucasia (A historical and ethnographic essay)]. Moscow: Nauka. (in Russ.)
11. Baziyan, A. P. (1983) *Iz istorii sovetskogo vostokovedeniya* [From the history of Soviet oriental studies]. *Stanovleniye sovetskogo vostokovedeniya* [The formation of Soviet oriental studies]. Moscow: Nauka. Pp. 29–84. (in Russ.)
12. Kononov, A. N., Iorish, I. I. (1977) *Leningrad Oriental Institute. A page from the history of Soviet oriental studies* [Leningradskiy vostochnyy institut. Stranitsa istorii sovetskogo vostokovedeniya]. Moscow: Nauka. (in Russ.)
13. Kuznetsova, N. A., Kulagina, L. M. (1970) *Iz istorii sovetskogo vostokovedeniya. 1917–1967* [From the history of Soviet oriental studies. 1917–1967]. Moscow: Nauka. (in Russ.)
14. Panin, E. V. (2013) *Kommunisticheskiy universitet trudyashchikhnya Vostoka* [Communist University of the Toilers of the East]. *Izvestiya MGTU MAMI* [Izvestiya MGTU MAMI]. Vol. 7. No. 4–2. Pp. 201–206. (in Russ.)
15. Sibgatullina, A. T. (2020) *Turetskiy kontingent v Kommunisticheskom universitete trudyashchikhnya Vostoka. Chast' I* [Turkish Contingent at the Communist University of Workers of the East. Part I]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* [Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN]. No. 3. Pp. 113–125. (in Russ.)
16. Smirnova, T. M. (2012) *Institut narodov Severa v Leningrade – uchebnoye zavedeniye novogo tipa* [The Institute of Peoples of the North in Leningrad as an educational institution of the new type]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State Journal]. Vol. 4. No. 2. Pp. 51–65. (in Russ.)
17. *Universitety i nauchnyye uchrezhdeniya* (1935) [Universities and scientific institutions]. *Narkompros RSFSR* [People's Commissariat for Education of the RSFSR]. Moscow; Leningrad: United. sci.-tech. publishing house. (in Russ.)
18. *XV let diktatury proletariata. Ekonomiko-statisticheskiy sbornik po gor. Leningradu i Leningradskoy Oblasti* (1932) [15 years of the dictatorship of the proletariat. Economic and statistical collection on Leningrad City and the Leningrad Region]. Leningrad, Publication of the Regional Executive Committee and Lensoviet. (in Russ.)
19. Bugay, N. F., Mamayev, M. I. (2014) (eds.) *Kurdy SSSR – Rossii: trassa dlinoyu v 100 let. Dokumental'naya istoriya* [Kurds of the USSR – Russia: a route 100 years long. Documentary history]. Moscow, Tula, Akvarius. (in Russ.)
20. *K istorii obrazovaniya Nagorno-Karabakhskoy avtonomnoy oblasti Azerbaydzhanskoy SSR. 1918–1925: Dokumenty i materialy* (1989) [On the history of the formation of the Nagorno-Karabakh Autonomous Region of the Azerbaijan SSR. 1918–1925: Documents and materials]. Baku: Azernehr. (in Russ.)
21. Bakaev, Ch. Kh. (1983) *Osnovy kurdskey orfografii* [Fundamentals of Kurdish orthography]. Moscow: Nauka. (in Russ.)
22. Chatoev, Kh. M. (1965) *Kurdy Sovetskoy Armenii: istoricheskiy ocherk, 1920–1940* [Kurds of Soviet Armenia: a historical sketch, 1920–1940]. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. (in Russ.)
23. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkiye svodki. Vyp. 4: Narodnost' i rodnoy yazyk naseleniya SSSR. XXIX.* (1928) [All-Union population census December 17, 1926: brief summaries. Vol. 4: Nationality and native language of the population of the USSR. XXIX]. Moscow. (in Russ.)
24. Bailey, N. (2021) The Lord's Prayer in Northern Kurdish: Lexical and orthographic journeys since 1787. *Rodnoy yazyk* [Native language]. No. 2. Pp. 152–218.
25. Shamilov, A. (1930) *Kurdy Zakavkaz'ya* [Kurds of Transcaucasia]. *Revolyutsiya i kul'tura* [Revolution and culture]. No. 15–16. Pp. 86–89. (in Russ.)
26. n. a. (1935) *Soveshchaniye po kul'turnomu razvitiyu yazykov natsional'nostey* [Conference on the cultural development of languages of nationalities]. *Revolyutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 5 (63). Pp. 96–97. (in Russ.)

27. *Sankt-Peterburgskij filial Arhiva RAN (SPbF ARAN)* [St. Petersburg Branch of the Archive of RAS (SPbF ARAN)]. F. 222. Op. 2. D. 79.

28. Arustamyan (1933) *Sotsialisticheskoye stroitel'stvo v Nagornom Karabakhe* [Socialist construction in Nagorno-Karabakh]. *Revolyutsionnyy Vostok* [Revolutionary East]. No. 1 (17). Pp. 116–122. (in Russ.)

29. n.a. (1931) *Rja Təzə*. No. 18. P. 2. (in Kurd.)

30. Orlova, R. (1931) *Ocherednyye zadachi v bor'be za vseobuch* [Next tasks in the struggle for universal education]. *Kommunisticheskaya revolyutsiya* [Communist revolution]. No. 5–6. Pp. 13–18. (in Russ.)

31. *Naseleniye Azerbaydzhana po perepisi 17 dekabrya 1926 goda: predvaritel'nyye itogi* (1927) [The population of Azerbaijan according to the census of December 17, 1926: preliminary results]. Baku: Baku centr. stat. upr. (in Russ.)

32. Mammadova, Sh. (2013) *Kurdskiy vopros v politike sovetского gosudarstva v 1920–1930-kh gg.* [The Kurdish question in the policy of the Soviet state in the 1920–1930s]. *Voprosy Istorii* [Voprosy Istorii]. No. 6. Pp. 135–141. (in Russ.)

33. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga (CGA SPb)* [Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb)]. F. 4363. Op. 1. D. 1008.

34. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 160.

35. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 59.

36. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 177.

37. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 40.

38. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 16.

39. Todria, S. (1936) *Podgotovka natsional'nykh kadrov v ZSFSR* [Training of national specialists in the ZSFSR]. *Revolyutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 1 (71). Pp. 63–66. (in Russ.)

40. Koltsov, N. (1929) *Sovetskaya Armeniya* [Soviet Armenia]. *Nashi dostizheniya* [Our achievements]. No. 6. Pp. 23–31. (in Russ.)

41. n.a. (1927) *Razverotka v moskovskiy i leningradskiy komvuzy na 1927/28 uchebnyy god. Kommunisticheskij universitet trudyashchikhsya Vostoka im. Stalina* (1927) [Distribution of places in Moscow and Leningrad Communist colleges for 1927/28 academic year. The Stalin Communist University of the Workers of the East]. *Kommunisticheskaya revolyutsiya* [Communist revolution]. No. 12. P. 106. (in Russ.)

42. TsGA SPb. F. 6951. Op. 1. D. 2.

43. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. P3316. Op. 20. D. 119.

44. GARF. F. P3316. Op. 20. D. 118.

45. *Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TsGALI SPb)* [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TsGALI SPb)]. F. P-328. Op. 2. D. 1180.

46. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 585.

47. TsGA SPb. F. 7222. Op. 9. D. 8.

48. TsGA SPb. F. 7222. Op. 30. D. 2146.

49. Pol'skiy, L. (1930) *Tayga i Lavra* [Taiga and Lavra]. *Nashi dostizheniya* [Our achievements]. No. 7. Pp. 31–34. (in Russ.)

50. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 1005.

51. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 991.

52. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 803.

53. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 840.

54. TsGALI SPb. F. 328. Op. 1. D. 21.

55. TsGALI SPb. F. 328. Op. 1. D. 41.

56. Grande, B. (1935) *Materialy dlya utochneniya spiska narodov SSSR* [Materials for clarifying the list of peoples of the USSR]. *Revolyutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 4 (62). Pp. 77–87. (in Russ.)

57. Krasovskiy, L. (1936) *Chem nado rukovodstvovat'sya pri sostavlenii spiska narodnostey SSSR (V poryadke obsuzhdeniya)* [What should be followed when compiling a list of nationalities of the USSR (A discussion material)]. *Revolyutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 4 (74). Pp. 67–71. (in Russ.)

58. Grande, B. (1936) *Spisok narodnostey SSSR* [List of nationalities of the USSR]. *Revolyutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 4 (74). Pp. 74–85. (in Russ.)

59. Lalayan, A. (1935) *Sotsialisticheskoye razvitiye Armenii v sisteme SSSR (K 15-letiyu Sovetskoy Armenii)* [Socialist development of Armenia in the Soviet Union system (To the 15th anniversary of Soviet Armenia)]. *Revolyutsionnyy Vostok* [Revolutionary East]. No. 3 (31). Pp. 163–175. (in Russ.)

60. Lalayan, A. (1936) *Proyekt Stalinskoy konstitutsii i rastsvet Sovetskoy Armenii* [A draft of the Stalin's constitution and the rise of Soviet Armenia]. *Revolyutsionnyy Vostok* [Revolutionary East]. No. 4 (38). Pp. 31–55. (in Russ.)

61. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 1006.

62. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 560.

63. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 998.

64. n.a. (1936) *O sostoyanii raboty sredi natsmen'shinstv v Armyanskoy SSR. Postanovleniye Prezidiuma Soveta Natsional'nostey TSIK Soyuza SSR* [On the state of work among ethnic minorities in the Armenian SSR. Decree of the Presidium of the Council of Nationalities of the Central Executive Committee of the USSR]. *Revolyutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 12 (82). Pp. 86–87. (in Russ.)

65. Kinnane, D. (1964) *The Kurds and Kurdistan*. Oxford University Press.

66. Dimanstein, S. (1936) (ed.) *Itogi razresheniya natsional'nogo voprosa v SSSR* [Results of the solution of the national question in the USSR]. Scientific research Institute of Nationalities of the USSR at the Central Executive Committee of the USSR. Moscow: Vlast Sovetov. (in Russ.)

67. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 32.

Статья поступила в редакцию 06.06.2023

Одобрена после рецензирования 23.06.2023

Принята к публикации 10.07.2023